

1. Левко, О. Н. Культовые памятники Орши к XVI–XVIII вв. (историко-археологическое исследование) / О. Н. Левко. – Орша : Оршанская типография, 1996. – 52 с.

2. Левко, О. Н. Отчёт о проведении архитектурно-археологических исследований в июне-июле 1987 г. на территории Богоявленского Кутейнского монастыря в г. Орше КН1, 2 / О. Н. Левко, И. М. Чернявский // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси. – д. 1048, 10148а.

3. Ляўко, В. М. Справаздача аб правядзенні архітэктурна-археалагічных даследванняў на тэрыторыі помніка архітэктury XVII ст. – Багаяўленскага Куцеінскага манастыра ў г. Оршы / В. М. Ляўко, І. М. Чарняўскі // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси. – д. 1164а, 1164б.

4. Левко, О. Н. Отчёт о раскопках в Оршанском и Городокском районах Витебской обл. в 1993 г. / О. Н. Левко // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси. – д. 1519.

5. Цішкін, І. Справаздача аб правядзенні археалагічных даследванняў помніка архітэктury XVII ст. Куцеінскага Багаяўленскага манастыра ў г. Орша ў жніўні 1989 г. / І. Цішкін // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси. – д. 1167, 1212.

П.В. Шевкун

Учреждение образования «Витебский государственный
ордена Дружбы народов медицинский университет»

УДК 271.2:94(470+571)''18/19''

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МОДЕРНОГО ОБЩЕСТВА (XIX – НАЧАЛО XX В.).

В статье рассмотрена проблема адаптации православной церкви Российской империи к процессам социальной модернизации в XIX – начале XX в. Раскрыто значение и представлена специфика становления христианства в регионе. Показаны особенности средневековой религиозности, выделены её уровни. Указаны направления и трудности при формировании современного типа религиозности в европейской части империи. Отмечено значение церкви в эволюции социальной системы страны, сохранении её стабильности в начале XX в. Выделены события Первой мировой войны в качестве ключевого фактора, определившего будущее этой части Европы.

Ключевые слова: Православная церковь, Российская империя, общество, социальная модернизация, традиционное мировоззрение, коллективистские формы религиозности, приходское духовенство, просвещение, индивидуализированная религиозность.

Принятие христианства на землях Руси в 988 г. стало важнейшим фактором становления и развития в регионе сложно организованных сообществ, где сотрудничество осуществлялось с всё возрастающей интенсивностью на больших территориях и между значительным количеством участников. Такое взаимодействие предполагало не только систему государственного контроля, но, прежде всего, универсальные правила, понятные участникам. Нормы родовых отношений первобытных обществ ограничивались пределами общины, либо их небольшого объединения и не предусматривали расширения на значительные группы разнородного населения.

Христианство представляло такую систему отношений, в основании которой были зафиксированные в заповедях «декалога» базовые принципы сотрудничества. Они подразумевали безусловную значимость жизни, собственности и личного пространства человека, вне зависимости от того, в каком регионе или общине он находился. Церковь давала непосредственное ощущение и представление о социальном единстве. Религия обладала не только разработанной системой понимания правил, но и эффективной структурой по их распространению, поддержанию и контролю. Более того, христианство позволяло выстроить понятное взаимодействие не только в рамках одного сложноорганизованного сообщества, на это были способны и языческие системы эпохи Древнего мира, а в рамках группы таких объединений.

Вместе с тем утверждаемые посредством христианства правила нуждались в своём существовании в общинной организации родового общества, лишь видоизменённой на основании новых принципов и вписанной в более масштабное социально-политическое объединение. Во-первых, религиозные и общинные нормы имели много общего и могли быть успешно адаптированы друг к другу. Они базировались на традиции и «культе» предков. Как религиозная истина, так и общинные связи предполагали древность и неизменность, которые наглядно могли поддерживаться через верность правилам жизни «отцов и дедов». Во-вторых, религиозные и общинные нормы предполагали приоритет коллектива над интересами индивида или семьи. Бог один для всех, истины одни для всех и блага созданы Богом для всего человечества. Поэтому собственность, личное пространство и даже жизнь соизмерялись с интересами коллектива, не должны были им противоречить, и, в свою очередь, находились под защитой таких объединений. Без подобной демонстрации зависимости религия была не способна утвердить свои правила сотрудничества, ибо человек должен был понимать, всё, что он имеет не просто благодаря его индивидуальным усилиям, а благодаря сотрудничеству, основанному на воле Бога. Демонстрация этой воли и есть власть коллектива. Социальная иерархия была вы-

строена таким образом, чтобы её конечным бенефициаром виделся именно сакральный авторитет. Однако, в отличие от родового общества, где всё было общим, именно этой волей и отделённая от общего.

Кроме того, настолько эффективная система обоснования сложной социальной организации ко времени принятия христианства в регионе давно утратила свою непосредственную связь с догосударственными верованиями. Они остались в языческом прошлом древних культур. В обществах, только вступавших на путь сложной организации, христианство не могло и не стремилось отменить весь комплекс родовых верований. Ведь мало того, что переход сам по себе не мог быть резким, но и новая система в некотором смысле нуждалась сама в таких представлениях. Нуждалась, поскольку предполагала неизменность социальных норм и основанных на них отношений, патриархальность и традиционализм. Они же, в свою очередь, должны были привязаны к определённому месту и живущему в этом месте сообществу, так как и место и сообщество, а с ними и истину, передали предки.

Однако христианство само по себе не предполагало такой привязки, хотя, как видно, и не отрицало её. Нельзя увязать, допустим, христианское универсалистское представление о браке или о власти с определенным местом, пусть и большим. Ведь тогда произойдёт переход к язычеству, поскольку регионы большой территории отличаются и должны быть вписаны в единую иерархию, которую не выстроишь одним Богом. Между тем перед единым Богом всё едино. В этом и смысл государственности христианских норм. Однако, как увязать эти нормы с ценностью места и малого сообщества. Поэтому христианство вынуждено было оставить этот локальный, несколько трансформированный пласт отношений, не вредящих универсальному восприятию социальных норм. Это касалось дома и окружающего пространства: поля и леса.

Благосостояние и жизнь определённой сельской, в меньшей степени городской общины зависела от множества факторов, имевших исключительно региональное измерение от особенностей климата и местности, до многообразия социальных ситуаций, вызванных долгим и компактным проживанием людей на ограниченной территории. Очевидно, удовлетворить ум человека и его стремление к пониманию окружающего мира сугубо официальным религиозным интеллектуальным набором было сложно. Поэтому весь окружающий мир представлял мозаикой соответствующих знаков и символов, которые адаптировали явления природы, быта человека к религиозному сознанию. Всё это вошло в народный фольклор и сохранялось до начала XX в.

У Н.С. Лескова есть рассказ «Пугало» (1885 г.), который начинается тем, что восьмилетнему городскому мальчику в деревне старик

мельник, которого звали Илья, «... открывал ..., полный таинственной прелести мир» окружающих явлений». «От Ильи я узнал и про домового, который спал на катке, и про водяного, который имел прекрасное и важное помещение под колёсами, и про кикимору, которая была так застенчива и непостоянна, что пряталась от всякого нескромного взгляда в разных пыльных заметах – то в риге, то в овине, то на толчее, где осенью толкали замашки. Меньше всего дедушка знал про лешего, потому, что этот жил где-то далеко у Селиванова двора и только иногда заходил к нам в густой ракитник, чтобы сделать себе новую ракитовую дудку и поиграть на ней в тени у сажелок ... дом наш и весь наш край, оказалось, находился во власти одного престрашного разбойника и кровожадного чародея, который назывался Селиван. Он жил от нас всего в шести верстах ...». Также «все малодшие люди подтверждали мне, что между дедушкой Ильёю и «водяным деткой» действительно существовали описанные (добрые) отношения ...» [1, с. 346–348].

В этом рассказе описаны представления, наполнявшие мир сельской общины, которые сложились в Средневековье и существовали в регионе до 20–30-х гг. XX в. Именно они делали пространство каждой общины уникальным и неповторимым. Такая особенность была важна не только с интеллектуально-эстетической точки зрения. Как отмечал Лесков: «Лесные родники осиротели бы, если бы от них были отрешены гении, приставленные к ним народною фантазией». Она была важна, поскольку, с одной стороны, являлась отражением доминирования над индивидом внешних сил, как и общины, которые нужно знать и с которыми необходимо считаться. С другой – демонстрировала самодостаточность пространства каждой сельской общины, привязывая его членов к себе, где всё происходящее было совершенно уникальным, имело своё исчерпывающее объяснение. Поэтому знания были самодостаточны и не переносимы в другое пространство. Сознание простого средневекового человека было привязано к своему малому, но полноценному миру.

Однако именно она стала проблемой для церкви, когда происходила её адаптация к менявшемуся в условиях модернизации обществу. К концу XVIII в. европейскими интеллектуалами была сформулирована религиозно-нейтральная трактовка базовых социальных ценностей. Она в наибольшей степени соответствовала процессу трансформации европейских обществ. Он проявился в интенсификации и демократизации социальных связей, размывании сословно-корпоративных границ, ускорении обмена информацией и увеличении её объёма. Тех данных, которые транслировала церковь, становилось недостаточно для адекватного восприятия социальных процессов, всё более основывавшихся на конкуренции и рационализации связей. Постепенно шло формирование нового представления

о социальном единстве, в форме современной нации, где взаимодействие основано на выстраивании индивидуальных линий поведения, а не коллективных форм воспроизводства традиции, овеянной сакральным авторитетом.

Доктрина прав человека, составляющая основу конституций современных стран, позволила рассмотреть эти ценности не как достояние коллектива, а через его посредничество и человека (отсюда и нормы необходимые для сохранения целостности общины), а как неотъемлемое свойство природы человека. Это стало основанием секуляризации, когда различные сферы социальных отношений переставали восприниматься как сакрально обусловленные, а также отказа от правил, сохранявших целостность общин: от личной зависимости и общинного контроля над собственностью, до внешнего вида и быта. Вместе с тем, изменённое восприятие социальных ценностей необходимо было закрепить в сознании как высшую индивидуальную ценность, как то, что необходимо для развития личности. В противном случае, отказ от религиозных оснований позволял эти ценности откинуть вместе с идеей Бога. В такой ситуации роль церкви в эволюции социальных ценностей оставалась определяющей. Организация, отвечавшая за формирование «воображаемого сообщества» в сознании средневекового человека, играла одну из ключевых ролей и в становлении современного общества.

В силу того, что церковь представляла информацию о социальных отношениях, основанных на ценностях, которые, во многом, сохраняли свою актуальность, а исчезал лишь мир их специфического воплощения, основанного на общинной организации и традиционалистской легитимности социальных отношений, то православная церковь могла сохранить собственную актуальность и в условиях религиозно нейтрального общества. Перед церковью стояла задача формирования нового типа религиозности, типа, выраженного не в коллективно-традиционалистских формах, а в индивидуализированных формах религиозного самоопределения.

С этой целью было необходимо сформировать у верующих понимание догматических, обрядовых, бытовых особенностей православия, максимально вовлечь в жизнь прихода, превратить священника в ключевую и наиболее авторитетную фигуру общины, без совета которой в самых разнообразных жизненных ситуациях прихожанин не мог обойтись. Предполагалось также появление основанных на идее самовыражения корпоративной солидарности и взаимной поддержки. Справиться с такими задачами можно было, меняя традиционный религиозный мир общины и максимально дистанцируясь от государства. В первом случае это было необходимо, поскольку такой мир разрушался сам по себе как информационно, так и пространственно. Информационно, поскольку через СМИ и образо-

вание постепенно поступала рационализированная картина окружавшего пространства и общества, которая не оставляла места представлениям об уникальности отдельно взятого маленького мира. Если церковь не разорвёт связи с этим миром, она рискует восприниматься столь же архаично и наивно в глазах просвещённого общества. Во втором случае, государство, которое заботится о сохранении общих правил сотрудничества и привлекает к этому церковь, просто не позволит последовательно формировать индивидуализированную религиозность, которая целиком зависит от индивидуального самоопределения, предполагает высокую долю персонификации и влияния духовенства. Ведь государство формирует правила сотрудничества обязательные для всех и не терпящие никаких индивидуальных трактовок и самоопределений.

Наиболее успешно при формировании индивидуализированной религиозности реализовывался её начальный уровень – уровень просвещения. Церковь, при поддержке государства, на протяжении всего XIX в. прилагала значимые усилия по катехизации населения. Так, 25 января 1821 г. Св. Синод издал обобщённые «правила преподавания в церквях учения». В свою очередь, епархиальных архиереев обязали «употребить ... попечение об усилении церковного наставления православного народа в вере и благонравии христианском» [2]. Поучениям, обучению «приходских детей Господским молитвам, Символу веры и закону Божьему», на епархиальном уровне уделялось всё возрастающее внимание [3]. Проповеди имели в большей степени просветительский характер и были направлены на формирование основ православной идентичности [4].

Системное участие духовенства в народном образовании, с позиций церкви, должно было сформировать базовый унифицированный набор религиозных знаний, достаточных для понимания значимости веры, осмысленного следования нормам, ясное представление о её конфессиональных особенностях. Процесс значимого участия духовенства в народном образовании был инициирован при Николае I, продолжился при Александре II, однако лишь Александром III он был возведён на государственный уровень. 13 июня 1884 г. были приняты «Правила о церковно-приходских школах». Их цель определялась: «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Программа церковных школ включала изучение молитв, священной истории, катехизиса, славянское и гражданское чтение, письмо, арифметику, церковное пение. С 1883 по 1893 гг. число церковных школ увеличилось более чем в 5 раз, а финансирование с 10 руб. в 1884 г. возросло до 232 руб. в год к 1902 г. В 1893 г. школы были при 67% православных церквей империи. В 1903 г. общее количество церковных школ достигает наибольшего количества – 44 тысячи [5].

Повышение авторитета приходского духовенства находилось в центре внимания церковных и государственных властей начиная с Николая I. Это достигалось посредством повышения образовательного уровня детей священников. К 1840-м гг. практически всё приходское духовенство имело семинарское образование. В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство» [6, с. 62–64]. При Александре II реформы в сфере духовного образования были продолжены. Их целью являлось формирование приходского духовенства, как религиозного авторитета общины. Необходимо добавить и развитие с этого времени женского образования, ведь в семье, в воспитании детей, роль женщины была важнейшей.

Большое значение в достижении намеченных целей имело материальное положение духовенства. Правительство, начиная с 1840-х гг. предпринимало неуклонные меры по его повышению. С этой целью были введены оклады, чтобы снизить зависимость причтов от прихожан. Государство прилагало усилия по обеспечению духовенства необходимыми жилищными постройками. Наиболее значимые усилия в этом направлении предпринимались при Александре II, когда 29 июня 1862 г. было создано Особое присутствие по делам православного духовенства, а 20 июля утверждено положение об обеспечении православного духовенства.

Формирование корпоративной солидарности получает импульс также во второй половине XIX в. Для активизации прихожан в деле материального обеспечения духовенства создавались братства, церковные советы и попечительства. Однако они открывались лишь «для попечения о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода», а уставы полностью контролировались государственной властью [7].

Одним из направлений активизации религиозности и сплочения православного сообщества были массовые православные торжества. В 1883 г. их было три: 500-летний юбилей явления иконы Тихвинской Божией Матери, 100 лет со дня преставления святителя Тихона Задонского и освящение храма Христа Спасителя в Москве, происходившее с большой пышностью. В 1888 г. праздновался 900-летний юбилей Крещения Руси. В 1885 г. был отмечен 1000-летний юбилей памяти святых Кирилла и Мефодия. В 1889 г. чествовали 50-летие воссоединения униатов с православной церковью. С не меньшим размахом освящали в 1896 г. и собор святого Владимира в Киеве. На региональном уровне в 1893 г. отмечалось, например, столетие образования Минской епархии и Минской духовной семинарии [8]. На низовом уровне особую роль приобретает церковное летописание,

введённое решением Св. Синода в 1880 г., как средство развития приходского самосознания.

Однако специфика формирования индивидуализированной религиозности в православном сообществе империи была обусловлена низким уровнем модернизации российского общества. Это проявилось в живучести коллективных форм религиозности, основанных на народных верованиях и в чрезмерной опеке государства над церковью. В результате силы иерархии на всех уровнях во многом были парализованы.

Так, в церковной летописи Великорытской Ильинской церкви Брестского уезда, начало которой было положено в том же 1880 г., приходским священником отмечалось: «Умственное и нравственное развитие прихожан находится на самой низкой степени, и много пройдет времени, пока поднимется до желаемой высоты». «Сущности религии не понимают и требования ее не исполняют... Все спасение полагают на чтение искаженных молитв, смысла которых не понимают, и в строгом исполнении постов и местных обычаев. При таком развитии суеверий и предрассудков распространено много». Также священник отмечал: «увещаний пастыря не слушают, но многие открыто высказывают неудовольствие введением новых порядков при исповеди – требование знания молитв ..., а многие даже высказывают, что для них не нужно других молитв, кроме тех, которым научили их деда» [9]. Священнику пришлось из года в год прилагать усилия, чтобы хоть слегка переломить существовавшую практику, в том числе и в отношении местного училища.

На другом уровне архиепископ Херсонский и Одесский Никанор (Бровкович) отмечал: «Православные в огромном большинстве повально не имеют никакого, ни исторического, ни догматического, ни образного представления о лице Иисуса Христа (даже) и лика Его в церкви не различают; да и вообще никаких ликов не различают: это, по простонародному представлению, «усе Боги...». Не знают и того, какой они веры. В Великороссии... и сказать не умеют, что «мы-де веры православной христианской» [10].

С государственных позиций придание религиозности выраженных индивидуализированных черт рассматривалось как недопустимое явление. Государство устанавливает общие и обязательные правила сотрудничества. Поэтому действия в этом направлении могли рассматриваться в минимальной степени как попытка церковного, а следовательно и социального раскола, в максимальной же степени как выстраивания иного политического пространства, то есть подготовка революции. С целью дискредитации подобных устремлений в православной среде было выбрано католичество, где индивидуализация продвинулась в значительно большей степени. Так, активизация конфессиональной жизни в католической общине: появ-

ление новых культов (А. Боболи, И. Кунцевича), обновление прежних, интенсификация церковных служб, проповедей, крестных процессий – рассматривалась российскими властями как проявление «католического фанатизма», то есть недопустимого уровня религиозности и являлось достаточным свидетельством, что идёт процесс формирования и маркировки новых социальных отношений, выражением «польского патриотического подъёма». Католические же братства рассматривались как «революционные организации». В результате исключались любые инициативы в религиозной жизни православной общины без ведома властей, а то, что разрешалось, не должно было превосходить образовательно-благотворительный уровень.

Вместе с тем в начале XX в. бурное развитие промышленности и городов, начинающих оказывать определяющее влияние на деревню, дальнейшее разрушение сельской общины, окончательно размывали фундамент социальной роли православной церкви. Развитие СМИ, которые к этому времени могли отражать с должной скоростью всю палитру социальных процессов, существенно снижали актуальность церковной картины общества. Ей всё сложнее было представлять информацию, значимую в кругах собственно православных верующих, как информацию, фиксирующую социальное единство.

Институциональным разрывом с архаичной социальной моделью, выраженной абсолютизмом, явился созыв парламента – Государственной Думы – и предоставление религиозных свобод. 17 апреля 1905 г. был принят указ о веротерпимости. Несмотря на то, что в нём сохранялся статус православной церкви как государственной, гарантировалась её финансовая поддержка, ключевым аспектом было право выхода из православия, снятие ограничений на регламентацию культа не православных объединений, большая либерализация в вопросах строительства культовых зданий. Также стал насущным вопрос возврата закрытых ранее костёлов и каплиц. В свою очередь манифест 17 октября 1905 г. ввёл предоставленные религиозные свободы в комплекс политических прав подданных, вершиной которых было избирательное право в парламент, наделённый законодательными функциями. В этих условиях православная иерархия удвоила усилия по религиозному образованию и усилила взаимодействие на уровне приходов. Однако даже в таких чрезвычайных обстоятельствах быстрой трансформации религиозности не стоило ожидать.

Процесс медленного, но неуклонного формирования индивидуализированной религиозности был прерван в годы Первой мировой войны. Её масштабы и затяжной характер привели к значимым последствиям, в том числе и с точки зрения легитимности современного прочтения базовых социальных ценностей собственности, безопасности и личного пространства. Война, длившаяся с августа 1914 г. по ноябрь 1918 г., привела

к серьезным социальным сдвигам. За её годы в Российской империи было мобилизовано около 16 млн., что составило, по разным данным, от 39% до половины всего трудоспособного мужского населения. Около 7 млн человек в западной части страны стали беженцами. На 1 мая 1916 г. к работам было привлечено свыше 800 тыс. военнопленных. В стране наблюдалась гиперинфляция [11].

Всё это привело к тому, что привычный мир крестьянской общины был если и полностью не разрушен, то существенно поколеблен. Огромные массы политически наиболее активного населения были оторваны от своих привычных мест, собраны вместе и вооружены, многие просто переселены. Социально-экономические проблемы наглядно демонстрировали, что замкнутого, во многом самодостаточного мира крестьянской общины не существует, она лишь часть большого сообщества. Именно в таких условиях ключевым фактором стабильности социальной системы являлась выраженная индивидуализированная религиозность. Ведь личное убеждение в значимости веры, её норм, способность самостоятельно оценивать на соответствие религиозному идеалу происходящие перемены, позиционирование себя и своего личного пространства, встраиваемость в стремительно меняющийся окружающий мир непосредственно определяли и уровень легитимности базовых принципов социального сотрудничества. Восприятие религии как собственного выбора формировало уважение к собственности, понимание значимости личной неприкосновенности и достоинства, как признанного и самостоятельно выстроенного личного пространства, не сводимого к коллективным ценностям, так как отношение с абсолютной ценностью, с Богом – это индивидуальный выбор.

Процесс формирования такого типа религиозности был далёк от завершения. Крестьяне, а это абсолютное большинство населения империи, во многом сохраняли коллективистский характер религиозности. По европейской части империи, как отмечает Б. Миронов, внутрисемейные связи у огромного большинства населения к 1917 г. оставались авторитарно-патриархальными. Они строились на доминировании мужчин, на иерархии, строгом разделении ролей по половозрастному признаку, приоритете общих семейных интересов над индивидуальными, включенности семей в жизнь сословных корпораций [12, с. 33–35]. Мир крестьянской общины был очень живуч, однако, лишь в условиях, когда человек физически находился в её пространстве. Как было показано выше, он окутывал человека сонмом невидимых и безусловных связей. Достоинства такого типа религиозности являлись и главным его недостатком. Он был не переносим вслед за перемещением члена общины, и он был уязвим к универсальной рационализированной информации, так как строился на локальных связях, утверждаемых культом предков.

Перемещение и концентрация огромного количества активных мужчин, наряду с очевидными социально-экономическими проблемами привела к резкому снижению легитимности социальных норм, которые освящались и утверждались в массовом сознании верой. Низкий уровень её индивидуализации привёл к тому, что массы мало, либо вовсе необразованных солдат при внешней религиозности оказались не готовы к её критике и критике социальных ценностей, ею утверждаемых. Армейские храмы не обладали никакой силой, они были чем-то внешним. Ведь вера в Бога утверждалась не как личный выбор, а как выбор коллектива и предков, привязываясь к конкретному географическому пространству общины, там, где храм, земля и могилы. Весь этот кажущийся безусловным мир для миллионов солдат враз исчез, вместе со значимостью освящённых верой социальных ценностей. Ум «человека с ружьём» оказался уязвимым для радикальной партийной пропаганды. Преимущество было у учений, которые легки для восприятия и опирались на модернизированные коллективистские ценности, лишённые индивидуализирующей категории Бога.

Таким образом, в XIX – начале XX вв. в православном сообществе Российской империи происходил переход от коллективистских форм религиозности к индивидуализированным. В условиях социальной модернизации такая религиозность позволяла православной церкви сохранить своё влияние, несмотря на несоответствие социальных отношений сакральным основам. Процесс формирования индивидуализированной религиозности был сопряжён с преодолением на общинном уровне народных традиций, которые вовлекали человека и окружавший его мир в систему воспроизводства религиозного, основанного на традиции и коллективизме. На государственном уровне необходимо было существенно снизить уровень чиновничьей опеки и контроля, поскольку такой уровень предполагал обязательность, а любые эффективные формы конфессиональной индивидуализации, как основанные на личном выборе, запрещались.

Тем не менее к началу XX в. благодаря религиозному просвещению, повышению авторитета духовенства и ограниченной активизации приходской жизни удалось сформировать конфессиональную идентичность как основу индивидуализированной религиозности. Важность её успешного формирования определялась необходимостью для достижения высокого уровня легитимности социальных ценностей современного общества опираться на их религиозные истоки. События Первой мировой войны, разрушившие привычную общинную жизнь, прервали естественный процесс формирования индивидуализированной религиозности. Миллионы людей оказались в условиях, когда прежние нормы религиозного контроля над социальными нормами не действовали, а новые ещё не были в должной степени сформированы. Этот вакуум легитимности заполнялся радикальными иде-

ями, разрушавшими, исходя из архаичных коллективистских представлений, конвенциональные социальные ценности собственности, безопасности, достоинства и основанные на них формы сотрудничества.

1. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Н. С. Лесков. – М. : Экран, 1993. – Т 6. – 543 с.

2. О правилах преподавания в церквях учения: Указ Св. Синода, 25 января 1821 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М. : Тип. М.Н. Лаврова и К., 1879. – С. 380, 381.

3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 14547. Л. 1, 1 об.

4. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 31219. Л. 13–13 об.

5. Белых, Н. М. Развитие церковно-приходской школы в России во второй половине XIX века / Н. М. Белых. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitietserkovno-prihodskoy-shkoly-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xix-veka> (дата обращения: 16.01.24).

6. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. – СПб. : Тип. Св. Прав. Синода, 1851. – 151 с.

7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 853. Оп. 1. Д. 8.

8. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36423.

9. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1687. Оп. 1. Д. 14. Л. 21–22 об.

10. Житенев, Т. Е. Особенности социально-педагогической деятельности церковно-приходских школ конца XIX – начала XX века / Т. Е. Житенев. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-pedagogicheskoy-deyatelnosti-tserkovnoprihodskih-shkol-kontsa-hih-nachala-hh-vekov.pdf> (дата обращения: 16.01.24).

11. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14264-rossiya-v-mirovoy-voyne-1914-1918-goda-v-tsifrah-m-1925> (дата обращения: 17.01.24).

12. Миронов, Б. Н. Российская революция 1917 года сквозь призму демографической модернизации / Б. Н. Миронов. – URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/7316/8188> (дата обращения: 18.01.24).